

DOI: 10.22250/2072-8662.2019.1.38-46

Халидова О.Б.

Сектантская колонизация Северного Кавказа в контексте интегративных практик Российской империи в XIX – нач. XX вв. (на примере Дагестана)

Аннотация. В представленной статье анализируется один из аспектов внутренней кавказской политики Российской империи, способствующий вовлечению территории и населения в общероссийское социально-политическое поле. Одним из видов интеграции стала переселенческая политика. Результатом подобной практики стало не только экономическое освоение края, но и изменение его социально-демографического фона путём переселения преимущественно восточнославянского населения с целью укрепления русской составляющей в социальной структуре населения. В результате российской политика заселения степных районов Северного Кавказа, имевшая колонизационный характер, стала одной из главных причин не только национальной и социальной, но и конфессиональной пестроты региона. Одним из ключевых компонентов миграционной политики являлся религиозный аспект. Акцентируя внимание на вероисповедании переселенцев, российское правительство способствовало распространению в крае не только православной религии, но и появлению здесь сектантов. Росту сектантских общин способствовали как географические и политические причины, так и способность их мимикрировать под особенности северокавказского края. Дагестан составлял исключение в этом процессе, так как страдал малоземельем. Постепенное русское сектанство приобрело черты симбиоза с западным протестантством, очертив вокруг себя поликонфессиональное идеологическое конкурентное пространство. В связи с этим путём синтеза исторических событий предполагается воссоздать сложившиеся в пореформенный период факторы, спровоцировавшие появление сектантов в национальном регионе как серьёзного оппонента в духовной жизни русского населения, которые стали не только частью религиозной картины дагестанского общества, но и предметом общественно-политических дискуссий в настоящее время. Предметом изучения служит анализ сложившихся особенностей и их влияние на конфессиональную ситуацию в регионе. Говоря о Дагестане, мы будем подразумевать современную географию республики. Данный факт логично применим к концу XIX – началу XX вв., когда, например, станицы Кизлярского, Тарумовского и Хасавюртовского районов причислялись к Дагестану, хотя административно они относились к Терской области.

Ключевые слова: миграция, миграционная политика, сектанты, колонизация, Российская империя, Северный Кавказ, Дагестан

Olga B. Khalidova

Sectarian Colonization of the North Caucasus in the Context of Integrative Practices of the Russian Empire in the 19th – Early 20th Centuries (on the Example of Dagestan)

Abstract. The article analyzes one of the aspects of the domestic Caucasian policy of the Russian Empire which facilitates the involvement of the territory and the population in the all-Russian socio-political field in this article. Resettlement policy became one of the forms of integration. The result of this practice was not only economic development of the region, but also a change in its socio-demographic background by resettling mainly the East Slavic population with the aim of strengthening the Russian component in the social structure of the population. Russian policy of settlement of the prairies regions of the North Caucasus, having the colonization in nature, has not only become one of the main factors of national, social and religious variegation of the region. One of the key components of migration was the religious aspect. Focusing on the religion of immigrants, the Russian government has contributed to the spread of not only the Orthodox religion in the region, but also the appearance here of the sectarians. There were not only geographical and political reasons to the growth of sectarian communities but also their ability to mimic characteristics of the North Caucasus region. But Dagestan was an exception in this process because he suffered from shortage of land. Gradually, Russian sectarianism acquired features of symbiosis with Western Protestantism, outlining itself around the poly-confessional ideological competitive space. In this regard the author supposes to recreate the factors of the emergence of sectarians in the national region as a serious opponent in the spiritual life of the Russian population that have become today not only a part of the religious picture of Dagestan society, but also a subject of socio-political discussions at the present time by synthesizing historical events. The subject of this research is the analysis of the existing features and their impact on the demographic situation in the region.

Under the name “Dagestan” we will mean its present geographical position. This fact is logical to apply to the end of the 19 – the beginning of the 20 centuries, when, for example, the stanitsas of Kizlyar, Tarumovsky and Khasavyurt districts were attributed to Dagestan, although administratively they belonged to Terek region.

Key words: migration, migration policy, sectarians, colonization, Russian empire, North Caucasus, Dagestan

Халидова Ольга Борисовна – кандидат исторических наук, научный сотрудник ФГБУН Института истории, археологии и этнографии Дагестанского Научного Центра РАН, Отдел новой и новейшей истории Дагестана; 367030, Республика Дагестан, г. Махачкала, ул. М. Ярагского 75; o.khalidova2011@mail.ru

Olga B. Khalidova – PhD (History), Researcher at the Institute of History, Archaeology and Ethnography of Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences; 367030, Dagestan Republic, Makhachkala, M. Yaragsky st., 75; o.khalidova2011@mail.ru

Введение

Завоевание и управление полиэтничным северокавказским краем происходило в довольно сложных политических условиях на протяжении почти ста лет (1783–1878 гг.) и являлось одной из приоритетных задач царского самодержавия. Определив для себя регион в качестве окраины государства, русская администрация края придерживалась мнения о необходимости там «прочной русской оседлости» путём колонизации Российской империей и расширения естественных границ российского государства.

Колонизация «русскими людьми» производилась лишь в отношении незаселённых территории «отдельных окраин» и признавалась «одной из главных мер в деле прочного государственного устройства [Матвеев, 2015, 107]. Заявленная российским правительством задача осознавалась и военными губернаторами на Кавказе. В частности, при князе И.И. Воронцове-Дашкове русская колонизация Кавказа имела «широкую и правильно задуманную постановку» [Воронцов-Дашков, 1907, 68]. На начальном этапе существенная роль в «обрусении» Кавказа властями признавалась за военным присутствием в крае. И лишь время от времени служилый класс считалось полезным «освежать» [Величко, 2010, 258].

Основную массу переселяемых людей, привлекавшихся для заселения и являвшихся составной частью русской колонизации, составляли ссыльные раскольники и сектанты¹. Итогом подобной целенаправленной политики явилось поселение первых семей сектантов в Закавказье. Здесь более половины русского населения принадлежало к сектантам, большая часть из которых были молоканами и духоборами [Андриевский, 1908, 50–51].

Разные аспекты и направления восточнославянской колонизации северокавказской окраины неоднократно освещались в исследованиях как дореволюционных [Липранди, 1911; Кауфман, 1905; Шавров, 1911], так и более поздних кавказоведов и дагестановедов [Фадеев, 1960; Волкова, 1974; Нахшунов, 1956]. При изучении русской колонизации конфессиональная градация переселенцев была или лишена акцентирующей составляющей, или рассматривалась в иной географической плоскости [Исмаил-Заде, 1982; Вердиева, 2006; Вердиева, 2007].

Восточнославянское переселение в целом характеризовалось трудностями в переселении русских православных крестьян. Переселение русских сектантов оставалось за пределами дефиниции «русская колонизация». В этой связи, отдельные аспекты освоения Северного Кавказа русскими переселенцами-сектантами нуждаются в дополнительном осмыслении. Представленное исследование является попыткой синтезировать исторические события, оказавшие влияние на демографически-конфессиональные изменения в структуре населения региона.

Сектантская колонизация Северного Кавказа: причины и основные тенденции

В начале XX в. русский поэт, публицист и общественный деятель Величко Л.А. в своей последней монографии, посвящённой Кавказу, рассуждая о русских интересах и межэтнических отношениях, останавливается на переселенческой политике

России. По его мнению, ядром данной политики служили сектанты, которые «нагляднее всего доказали всю силу русской приспособляемости к каким угодно условиям, представляющие во многих отношениях *цвет русского элемента в крае*» [Величко, 2010, 96]. Значительные партии русских сектантов направлялись для поселения с целью «усиления состава здешнего населения благонадёжным русским элементом».

Данная мера признавалась правительством в качестве одной «из действительных для упрочения могущества на разноплеменной *разноверной* окраине» [Матвеев, 2015, 113]. Наиболее интенсивно такое заселение производилось в 30–50-е гг. XIX в. Была выработана определённая схема переселения русских сектантов, согласно которой крестьян, признанных по суду виновными «в распространении своей ереси и привлечении к ней других», отдавали в солдаты в Кавказский корпус. Не способных к воинской службе, как и женщин, высылали для водворения на Южный Кавказ. В случае возращения их в лоно православной церкви сектантов отправляли обратно в места поселения². Поначалу начальство смотрело на сектантов как на полулегальных жителей, существование которых не поощряется, а лишь допускается.

Что касается северокавказского края, то к XIX в. духовное поле русского населения, представленное здесь в основном терскими казаками, отличалось достаточно пёстрой палитрой. Наряду с православными имелись значительные общины старообрядцев, а также быстро увеличивающиеся в размерах группы сектантов. В результате возникновения военно-казацких поселений значительное число старообрядцев осело в Кизлярском и Хасавюртовском округах и др. Среди гребенских казаков Тарумовского района имелись небольшие группы старообрядцев, стекавшихся сюда в значительном количестве и не признававших официальной церкви. Особенно многочисленными в религиозной среде старообрядцев и раскольников были последователи поморской, молоканской, хлыстовской и субботнической сект [ЦГА РСО-А, ф. 12, оп. 8, д. 60, л. 12, 25; ЦГА РСО-А, ф. 11, оп. 15, д. 26, лл. 15, 18, 20; ЦГА РСО-А, ф. 11, оп. 15, д. 232, лл. 2, 7, 11; ЦГА РСО-А, ф. 2, оп. 8, д. 60, л. 24]. Несмотря на неповиновение властям и зачастую антиправительственную направленность их учений, количество последователей сект не уменьшалось. Предупреждения и наказания, применяемые к поморцам Кизлярского округа, не способствовали уменьшению популярности их вероучения. По данным «Кавказского календаря» (КК) поморцев на Тереке насчитывалось 235 душ мужского пола и 270 женского (итого 605 человек) [Кавказский календарь, 1868, 325]. Рост численности говорил о популярности учений поморцев, суть которых формировалась под влиянием изменившихся условий жизни.

В XIX в. в изучаемом регионе были представлены иеговисты, новоизраильтяне, меннониты, скопцы [ЦГА РСО-А, ф. 20, оп. 1, д. 58, л. 19; ЦГА РСО-А, ф. 12, оп. 8, д. 11, л. 8; ЦГА РСО-А, ф. 12, оп. 2, д. 894, лл. 1].

Образование немецких колоний на Северном Кавказе дало импульс к широкому распространению секты штундистов³, или штундо-баптистов, вызывавшие особое недоверие и опасения у местных властей. Представители штундо-кружков, уличённые в распространении своего учения, подлежали высылке, моленные дома штундистской секты немедленно печатавались, а дальнейшие собрания воспрещались [ЦГА РСО-А, ф. 12, оп. 2, д. 894, л. 1].

Присутствие сектантов в северокавказском крае упоминалось в дореволюционной литературе. Так, в «Исторической записке о христианстве на Северном Кавказе» отмечалось, что «на Кавказе появились духоборы, молокане и другие сектанты» [Историческая записка, 1888, 15]. Эту характеристику дополнял Н.И. Васильев: «Русское население Кавказа составилось из элементов, совершенно чуждых религиозного духа и церковности. Кавказ населяли беглые крепостные, беспаспортные или же с фальшивыми паспортами бродяги, разные дезертиры, бежавшие преступники, нищенствовавшие странники, преследуемые в России сектанты и в особенности раскольники» [Васильев, 1896, 56].

Общее количество сектантов, исходя из донесений командиров казачьих частей и атаманов отделов наказному атаману Терской области, а также донесений полицейских и жандармских чиновников, отчётов миссионеров РПЦ епархиальным

властям и других документов, к этому времени здесь составило около 35 тысяч человек⁴. По данным такого дореволюционного источника как Кавказский календарь, общая численность различных сект по Терской области составляла 22679 человек. Из них молокан – 2384, субботников – 179, баптистов – 322, раскольников – 13481 [Кавказский календарь, 1887, 161]. В 1891 г. только в Кизлярском отделе Терской области проживало 19753 сектанта [Кавказский календарь, 1892, 26–29].

Увеличение количества последователей сектантских вероучений беспокоило православную церковь. По мнению православных миссионеров, сектанты стали опасными не столько для церкви, сколько для государства. Для охранения религиозного порядка православным священством предлагалось совмещать религиозные мероприятия с полицейскими [Русское православие, 1989, 445–446].

Таким образом, в самом начале освоения северокавказского края основная масса сектантского населения здесь была представлена выходцами из казачьей среды. Были и последователи сект, причисляемых государством к наиболее опасным и вредным. Они наказывались высылкой⁵.

Можно также предположить, что заинтересованность православной империи в обрусении иноэтнического региона выражалась также в создании дисбаланса религиозного пространства. В этой связи сама принадлежность к христианскому миру обеспечивала право на существование раскольнических и старообрядческих сект.

С другой стороны, именно со второй половины в северокавказском регионе на смену русским сектам приходят секты западного происхождения: баптизм, евангелизм и др., появление которых, в первую очередь, было связано с экономическим фактором.

Проникновение иностранного капитала в Россию после отмены крепостного права способствовало установлению деловых связей русской буржуазии с агентами западных капиталистических фирм, которые зачастую являлись опытными миссионерами. Особенно привлекательным для них в этом отношении был Северный Кавказ, являвшийся в 60–70-е гг. XIX в. одной из территорий наиболее интенсивного развития буржуазных отношений. Так, А.В. Исаенко, рассматривая распространение протестантизма на Северном Кавказе через призму зарождающихся буржуазных отношений, отмечает наличие благоприятной социально-конфессиональной среды в 70-е годы XIX в. для восприятия и распространения этой идеологии в Терской области [Исаенко, 1988, 12]. Наиболее активными представителями класса буржуазии здесь являлись купцы и предприниматели из молоканских и субботнических общин. Подобные тесные контакты способствовали не только взаимовыгодному деловому сотрудничеству, но и трансформациям, происходившим в русском сектантстве. Именно молокане стали «питательной средой» для распространения баптизма на Кавказе⁶. Так, в 60–80-х гг. XIX в. среди районов наибольшего распространения баптистской секты на территории Российской империи значился и Северный Кавказ [Митрохин, 1997]. Здесь баптизм причислялся к категории «рационалистических плевел (здесь, сорняк – *X.O.*), посеянных в отечестве немцами», и значился среди «опасных для государства». Обеспокоенное быстро растущими темпами новой секты, Министерство внутренних дел называло баптизм «повиликой (здесь, растение паразит, сорняк – *X.O.*), зацепляющей всё, что около неё растёт» [ЦГАРСО-А, ф.11, оп.15, д.26, л. 3].

«Народная колонизация» как новый этап в политике интеграции края: смена приоритетов

Со второй половины XIX в. начинается новый этап в переселенческой политике. Проведённая в 1861 г. крестьянская реформа открывала для освободившихся от крепостной зависимости крестьян перспективы для своего земельного устройства, мотивируя их миграционные устремления. С другой стороны, крепко устроенному «русскому элементу» в новоприобретённой и недружелюбно расположенной окраине надлежало стать надёжной социальной опорой для административных преобразований. Предполагаемый русифицирующий потенциал переселенцев из российской глубинки должен был не только «усилить» в крае «русский элемент», но и, как считалось администрацией, оказать «немаловажное нравственное воздействие» на местных жителей. Военно-казачью оседлость на Северном Кавказе⁷ постепенно начинает сменять «народная колонизация»⁸.

Ускоренные темпы модернизационных процессов в 80-х гг. XIX в. обусловило дальнейшие трансформации в деле переселения. Со временем это явление приобрело статус неуправляемого. Для регулирования миграционных потоков в Российской империи была выработана система специальных подразделений, осуществлявших переселенческую политику⁹. С целью «укрепления» русской составляющей региона принимались законы и положения. Так, в 1880–1890-х гг. был принят закон о переселении на Кавказ поселенцев из центральных российских губерний [Кобахидзе, 2017, 118]. С 1876 г. по 1881 г. более тысячи прошений о разрешении переселения и об отводе казённой земли поступило в Министерство государственных имуществ [Колонизация Сибири, 1910, 104].

Со временем высылка сектантов на Северный Кавказ была отменена. Лучшим «колонизаторским элементом» стали считаться зажиточные крестьяне православного вероисповедания.

Так, одним из первых мероприятий главноначальствующего гражданской частью на Кавказе в начале 1897 г. князя Г.С. Голицына явилась отмена ссылки сектантов в Закавказье «в интересах русского дела колонизации края православным русским элементом и ограждения последнего от влияния сектантов» [Липранди, 1911, 141]. Утверждённое Положение Комитета министров от 15 апреля 1899 г. разрешало переселение в Ставропольскую губернию, местности Северного Кавказа и Закавказья, включая Дагестанскую область¹⁰. Однако к переселению на свободные земли допускались крестьяне исключительно русского происхождения и православного вероисповедания, самостоятельно ведшие земледельческие хозяйства, хотя бы и на арендованной земле, имевшие достаточно большое количество рабочих рук в семье и не менее 300 руб. денег¹¹.

Формулируя новые основы переселенческой политики с изменением контингента переселенцев, царское правительство тем самым стремилось создать надёжную опору на окраинах страны и упрочить позиции Российской империи в регионе. Переселение же других народностей, представителей иного вероисповедания, а также сектантов, указывали власти, «не может быть допущено» [НФ ИИАЭ ДНЦ РАН, ф. 3, оп. 1, д. 103, л. 25]. Для убедительности крестьянам необходимо было представить удостоверения от священника, что они действительно являются православными и «в предшествующем и нынешнем году были на исповеди и приняли Святое Причастие» [Данилюк, 2008, 16].

Сектанты в Дагестане

В 1892 г. в России разразился экономический и эпидемический кризис. В изданном императором Высочайшем рескрипте подчёркивалась первостепенная важность для правительства предоставления «достаточных способов пропитания, равно как и охранения нуждающихся вследствие неурожая от тягостных лишений» лицам, оказавшимся в затруднительном положении [Правительственный вестник, 1891]. Альтернативным дополнением к законопроекту С.Ю. Витте «О дополнительном наделении крестьян землёй»¹² князем Н.П. Урусовым было предложено переселение крестьян из малоземельных районов на слабозаселённые окраины [Нефедов, 2011, 426].

С другой стороны, строительство железнодорожной линии Беслан–Грозный–Петровск (1894 г.), связавшей Северо-Восточный Кавказ с внутренними губерниями России и Украиной, способствовало более мощному миграционному потоку переселенцев в лице русских крестьян.

В 1890-х гг. в Темир-Хан-Шуринском округе Дагестанской области предпринимались неоднократные попытки поселения сектантов. В основном они селились на окраинах уже существовавших здесь русских слобод при укреплениях и штаб-квартирах. Так, с середины 1890-х гг. предпринимаются попытки поселиться в слободе Ишкарты в Дагестане, бывшей штаб-квартире Апшеронского полка. Облюбованным русскими крестьянами-протестантами местом становятся участки в Темир-Хан-Шуринском округе хутора Чапчак и Зунд. Среди них было 4 семьи православных и 7 семей представителей сектантов – баптистов и праздноующих субботу [Обзор Дагестанской области, 1904, 16–17].

Однако, в отличие от северной части современного Дагестана, где наблюдалось достаточно большое количество представителей различных сект, на юге

и западе их не было вообще. Одной из причин этого, по мнению И.А. Суздальцевой, являлось слабое экономическое развитие области. Из-за малоземелья, которым страдала Дагестанская область, она почти не подверглась сектантской колонизации [Суздальцева, 2006, 15]. По статистическим данным на 1 января 1899 г., всех раскольников и сектантов в Терской области числилось 35398 душ обоего пола, а на 1 января 1900 г. – 36556 душ, т.е. на 1158 тыс. больше. В процентном соотношении к общему числу христиан – 8,1 % [Терский календарь, 1900, 13].

В соседней Дагестанской области их численность не была такой высокой. Изменения в количественном соотношении по годам мы можем проследить по до-революционным источникам. Так, в сводке статистических данных по городам Дагестанской области на 1890 г. было зафиксировано присутствие сектантов: в г. Петровске старообрядцев (двое мужчин и две женщины) и в г. Дербенте два представителя молоканской общины (мужчина и женщина) [Дагестанская область, 1890, 20–21]. В 1891 г. в Темир-Хан-Шуре появляются первые пять сектантов (4 мужчин и 1 женщина) [Кавказский календарь, 1894, 26–27].

Согласно Всероссийской переписи 1897 г., в Дагестанской области насчитывалось 28580 тыс. лиц христианского вероисповедания. Среди них в процентном соотношении преобладало православное население (96,9 %). Второе место занимали протестанты (1,82 %). Старообрядцы в области составили 1,18 % [Данилюк, Зуева, 2008, 52]. Среди протестантов рассматриваемых нами течений баптистов значилось всего лишь 2 человека. Остальные являлись немцами лютеранского вероисповедания.

В 1901 г. в Петровске появляются адвентисты. Следуя статистике церкви АСД в России за 1907–1910 гг. в Хасавюрте существовала устойчивая община последователей данного учения, численность которой выглядела следующим образом: 1907 – 50 чел., 1908 – 60, 1909 – 70, 1910 – 50 человек [Зайцев, 2008, 36].

Информативными для нас являются и отчёты православных священников и благочинного во Владикавказскую епархию в начале XX в., которые позволяют нам увидеть не только количественные показатели сектантов в регионе и географию их расселения. Так, по сведениям православного благочинного Е. Молодченкова, на хуторе Шушанов русских переселенцев насчитывалось 28 семей. Из них православных – 8 семей, сектантов – 20 семей. Сектанты классифицировались на баптистов (13 семей), иеговистов (1 семья), субботников¹³ (1 семья) и субботников-адвентистов (3 семьи) [ЦГА РД, ф. 167, оп. 1, д. 4, л. 3]. Всего русского населения в Ново-Александровске и на окружных хуторах было 189 дворов. Из них: православных – 62, субботников и баптистов – 27 дворов [ЦГА РД, ф. 42, оп. 1, д. 2, л. 160об.].

Однако данные священников нередко расходились с официальной административной статистикой¹⁴. Исследователи статистики сектантов в целом по Российской империи XIX века отмечают, что разница между официальными и реальными данными объясняется тем, что и полиция, и духовенство были заинтересованы в сокрытии истинного числа сектантов и раскольников. Зачастую полиция оказывала скрытую помощь преследуемым, что являлось для неё верным источником дохода [Милуков, 1897, 233]. Духовенство же, помимо этого мотива, боялось показывать действительные цифры, т.к. за этим последовал бы выговор за недостаточную бдительность и активность. Оно обычно показывало прошлогоднюю цифру, несколько уменьшая её, чтобы доказать своё рвение.

Немаловажным является тот факт, что сами представители всех инакомыслящих форм вероисповедания всегда старались избежать государственного надзора на протяжении всего рассматриваемого периода и поэтому часто скрывали свою конфессиональную принадлежность¹⁵. Исходя из этого, мы не всегда можем объективно проследить количественные изменения среди представителей изучаемой нами религиозной категории.

Заключение

Таким образом, возникновение такого явления как сектантство в полинациональном северокавказском регионе было предопределено многоаспектной переселенческой политикой России. Первоначальная наибольшая локализация сектантов и старообрядцев получила распространение в северных районах Терской области среди казаков. Увеличение их числа было продиктовано Кавказской войной,

внутриполитической обстановкой в регионе, которая вынуждала предоставлять льготы казакам-старообрядцам или религиозным меньшинствам. Переселение на территорию края было вызвано рядом причин, среди которых и поиск более благоприятных условий для жизни и удаленность от религиозного давления, которое особо велико было в европейской части Российской империи. Экономический фактор, образование целого ряда немецких поселений, религиозные предпочтения которых определялись как протестантизм, деятельность различных западных миссионерских обществ способствовали трансформационным процессам в духовных воззрениях русской сектантской среды. Территория Дагестанской области стала осваиваться сектантами гораздо позже по причине изменения в государственной политике, а также было обусловлено слабым экономическим развитием.

Список сокращений

РГИА – Российский Государственный исторический архив
ЦГА РД – Центральный Государственный архив Республики Дагестан
ЦГАРСО-А – Центральный Государственный архив Республики Северной Осетии-Алании

Библиографический список

1. Андриевский, А.П. Военно-географическое описание Кавказского военного округа / А.П. Андриевский. – Тифлис: Типография штаба Кавказского военного округа, 1908. – 219 с.
2. Величко, А. Кавказ. Русское дело и междуплеменные вопросы / А. Величко. – Баку, «Кавказ», 2010. – 318 с.
3. Волкова, Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века / Н.Г. Волкова. – М.: Наука, 1974. – 276 с.
4. Воронцов-Дашков, И.И. Всеподданнейшая записка об управлении по управлению Кавказским краем генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова / И.И. Воронцов-Дашков. – СПб.: Гос. тип., 1907. – 164 с.
5. Данилюк, М.Ю. Конфессиональный состав русского населения Дагестанской области во второй половине XIX – начале XX века / М.Ю. Данилюк, О.Б. Зуева // Известия вузов. Северо-Кавказский регион (Общественные науки). – Ростов-на-Дону. – 2008. – № 6. – С. 50–53.
6. Зайцев, Е.В. История Церкви АСД / Е.В. Зайцев. – п. Заокский: «Источник жизни», 2008. – 544 с.
7. Исмаил-Заде, Д.И. Русское крестьянство в Закавказье (30-е годы XIX начало XX в.) / Д.И. Исмаил-Заде. – М.: Институт истории СССР АН СССР, Наука, 1982. – 311 с.
8. Кауфман, А.А. Переселение и колонизация / А.А. Кауфман. – СПб.: тип-фия тов-ва «Общественная польза», 1905. – 81 с.
9. Кобахидзе, Е.И. Интегративные практики Российской империи на Центральном Кавказе в контексте политики «русификации» / Е.И. Кобахидзе // Кавказология. – 2017. – № 4. – С. 116–133.
10. Матвеев, В.А. Российская идентичность мусульман Северного Кавказа: исторические особенности формирования и проявления в кризисных условиях на рубеже XIX – начала XX вв. / В.А. Матвеев. – Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2015. – 158 с.
11. Милюков, П.Н. Очерки по истории русской культуры / В 3-х томах. Часть II. Церковь и школа (вера, творчество, образование) / П.Н. Милюков. – СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1897. – 375 с.
12. Митрохин, Л.Н. Баптизм: история и современность (философско-социологические очерки) / Л.Н. Митрохин. – СПб.: РХГИ, 1997. – 480 с.
13. Нахшунов, И.Р. Экономические последствия присоединения Дагестана к России (дооктябрьский период) / И.Р. Нахшунов. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1956. – 157 с.
14. Нефедов, С. История России. Факторный анализ / В 2-х т. От окончания смуты до Февральской революции / С.Нефедов. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2011. – Т. 2. – 688 с.
15. Никольский, Н.М. Русское православие: веки истории. / Н.М. Никольский. – М.: Политиздат, 1989. – 720 с.
16. Суздальцева, И.А. Русские переселенцы в Дагестане в конце XIX – начале XX в.: численность, состав, деятельность / И.А. Суздальцева. – Махачкала: ДГПУ, 2006. – 194 с.

17. Фадеев, А.В. Россия и Кавказ в первой трети XIX в. / А.В. Фадеев. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. – 402 с.

Текст поступил в редакцию 01.06.2018.

¹ Опираясь здесь и в дальнейшем термином «сектантство», поясним, что понимание данного тождества в XIX – нач. XX в. было отчасти иным и отличалось от современных представлений. В связи с этим термины «секта», «сектантство», «сектанты» в данной статье не несут на себе смысловой негативной нагрузки и используются, в основном, при цитировании или пересказе документов, относящихся к дореволюционной империи.

² 20 октября 1830 года вышло указание Государственного Совета, в котором «духоборы, иконоборцы, молокане, иудействующие и другие признаны особенно вредными. В соответствии с данным указом было решено «раскольников вышеупомянутых сект из людей казённого ведомства переселить, а их единомышленников водворить впредь в Закавказье»: См.: Полное собрание законов РИ. Собрание второе. Т. 5. Закон № 4010. С. 169.

³ Штундой (от немецкого слова Stunde – час) назывались религиозные кружки в немецких колониях в России. Распространилось после реформы 1861 г. Так называемый штундо-баптизм связан был с религиозным движением в немецких колониях. Широкое распространение получил в южных губерниях России.

⁴ Подсчитано Исаенко А.В. на основе архива ЦГА СОАССР. Ф. 3. Оп. 1. Д. 25, 34, 49, 57, 86, 953: См. Исаенко А.В. Экстремисты-баптисты и их последователи. Орджоникидзе: Изд. ИР, 1988.

⁵ Со второй половины XVIII в. общины духоборцев неоднократно подвергались депортации (их ссылали на реку Молочную Мелитопольского уезда Таврической губернии, в Грузию, на Северный Кавказ, Дальний Восток, в Среднюю Азию): См., например, Кулиев Ф. Деятельность христианских сект на Северном Кавказе в XIX – нач. XX // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 15 (196). История. Вып. 40. С. 48–54.

⁶ Значительная часть лидеров баптистов и евангельских христиан тех времён (Никита Исаевич Воронин, Илья Андреевич Голяев, Иван Иванович Жидков, Василий Васильевич Иванов, Дей Иванович Мазаев, Гавриил Иванович Мазаев, Иван Степанович Проханов, Василий Прокофьевич Степанов, Георгий Иванович Шипков и многие другие) выросли в молоканских семьях.

⁷ О дозволенности русским подданным невоинского сословия селиться и приобретать собственность в землях казачьих войск // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе (далее – ПСЗ-И). Т. XLIII (1868 г.). Ч. 1. Закон № 45785. С. 473–474.

⁸ Положение о заселении предгорий западной части кавказского хребта кубанскими казаками и другими переселенцами из России // ПСЗ-И. Т. XXXVII. Отд. 1-е. № 38256. С. 405–425.

⁹ См.: Суянчалиева О.Т. Система государственных органов по контролю за миграционными процессами в Российской империи XIX – начала XX веков // Труды Академии управления МВД России. 2014. № 2(30). С. 98–102.

¹⁰ ПСЗРИ. (Доп. К Т. 19 за 1899 г.) № 16768а; (доп. К Т. 20 за 1900 г.) № 19455а.

¹¹ Справочные издания Переселенческого управления Министерства внутренних дел. Вып. VII // Сборник уложений и распоряжений о переселении. СПб., 1901. С. 416–420.

¹² Нефедов С. Революция в виртуальной реальности // Звезда, 2017. № 2. URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2017/2> (дата обращения: 29.03.2018 г.)

¹³ Здесь, по всей видимости, субботники-иудействующие: См.: Львов А. Русские иудействующие: краткий очерк. URL: <http://eajc.org/page18/news19584> (дата обращения: 22.03.2018 г.)

¹⁴ Например, в начале XX в. на хуторе Шушанов проживало 64 семьи из 405 человек (201 м. и 204 ж.) православного вероисповедания и 34 семьи сектантов (субботников): См.: Российский Государственный исторический архив (РГИА). Ф. 391 «Переселенческое управление Министерства внутренних дел». Оп. 2. Д. 439 «Прошение крестьян для переселения на Кавказ». Л. 40.

¹⁵ См.: Распределение старообрядцев и сектантов по толкам и сектам. Разработано Центральным Статистическим Комитетом Министерства Внутренних Дел. /Б.м./, 1901. С. 2.

References

1. Andrievskij A.P. *Voенno-geograficheskoe opisanie Kavkazskogo voennogo okruga* [Military-geographical description of the Caucasian military district]. Tiflis: Headquarters of the Caucasian Military District Publ., 1908, 219 p. (in Russian).
2. Velichko A. *Kavkaz. Russkoe delo i mezhdupleмennye voprosy* [Caucasus. Russian business and intertribal issues]. Baku: Kavkaz Publ., 2010, 318 p. (in Russian).
3. Volkova N.G. *Jetnicheskij sostav naselenija Severnogo Kavkaza v XVIII – nachale XX veka* [Ethnic composition of the population of the North Caucasus in the 18th – early 20th century]. Moscow: Nauka Publ., 1974, 276 p. (in Russian).
4. Voroncov-Dashkov I.I. *Vsepoddannejshaja zapiska ob upravlenii po upravleniju Kavkazskim kraem general-adjutanta grafa Voroncova-Dashkova* [The most memorable note on the administration of the administration of the Caucasian region of Adjutant General Count Vorontsov-Dashkov]. St. Petersburg: State Publ., 1907, 164 p. (in Russian).

5. Danilyuk M.Yu., Zueva O.B. *Izvestiya vuzov. Severokavkazskiy region (Obshchestvennye nauki)* [Proceedings of high schools. North-Caucasian region (Social Sciences)]. Rostov/Don, 2008, no. 6, pp. 50–53 (in Russian).
6. Zaytsev E.V. *Istoriya tserkvi ASD* [History of the Seventh Day Adventist Church]. Zaoksky village: Source of Life Publ., 2008, 544 p. (in Russian).
7. Ismail-Zade D.I. *Russkoe krest'janstvo v Zakavkaz'e (30-e gody XIX – nachalo XX v.)* [Russian peasantry in Transcaucasia (the 30s of the 19th – early 20th century)]. Moscow: Nauka Publ., 1982, 311 p. (in Russian).
8. Kaufman A.A. *Pereselenie i kolonizaciya* [Resettlement and colonization]. St. Petersburg: Obshhestvennaya pol'za Publ., 1905, 81 p. (in Russian).
9. Kobahidze E.I. *Kavkazologiya* [Caucasian Studies]. Nalchik, 2017, no. 4, pp. 116–133 (in Russian).
10. Matveev V.A. *Rossiyskaya identichnost' musul'man Severnogo Kavkaza: istoricheskie osobennosti formirovaniya i projavleniya v krizisnykh usloviyakh na rubezhe XIX – nachala XX vv.* [Russian identity of the Muslims of the North Caucasus: historical features of the formation and manifestation in crisis conditions at the turn of the 19th – early 20th centuries]. Rostov/Don: South Federal University Publ., 2015, 158 p. (in Russian).
11. Miljukov P.N. *Ocherki po istorii russkoj kul'tury* [Essays on the history of Russian culture]. St. Petersburg: I.N. Skorohodov Publ., 1897, vol. 2, 375 p. (in Russian).
12. Mitrohin L.N. *Baptizm: istoriya i sovremennost' (filosofsko-sociologicheskie ocherki)* [Baptist: Past and Present (philosophical and sociological essays)]. St. Petersburg: Publishing house as Russian Christian Humanitarian Academy [RCHA], 1997, 480 p. (in Russian).
13. Nahshunov I.R. *Jekonomicheskie posledstviya prisoedineniya Dagestana k Rossii (dooktjabr'skij period)* [The economic consequences of Dagestan's accession to Russia (pre-October period)]. Mahachkala: Dagknigoizdat Publ., 1956, 157 p. (in Russian).
14. Nefedov S. *Istoriya Rossii. Faktornyj analiz* [Russian history. Factor analysis]. Moscow: Territorija budushhego Publ., 2011, vol. 2, 688 p. (in Russian).
15. Nikol'skij N.M. *Russkoe pravoslavie: vehi istorii* [Russian Orthodoxy: Milestones of History]. Moscow: Politizdat Publ., 1989, 720 p. (in Russian).
16. Suzdal'ceva I.A. *Russkie pereselency v Dagestane v konce XIX-nachale XX v.: chislennost', sostav, dejatel'nost'* [Russian settlers in Dagestan in the late 19th – early 20th century: quantity, composition, activity]. Mahachkala: DSPU Publ., 2006, 194 p. (in Russian).
17. Fadeev A.V. *Rossija i Kavkaz v pervoj treti XIX v.* [Russia and the Caucasus in the first third of the XIX century]. Moscow: Akademii nauk SSSR Publ., 1960, 402 p. (in Russian).